

У КОВРА—Л. ЕНГИБАРОВ

Наша творческая молодежь

МАЛЬЧИК стоял у доски и молчал. Учительница задавала наводящие вопросы, он силился вспомнить что-либо из прочитанного вечером, но тщетно.

— Двойка. — промелькнуло в мыслях. — Опять нотации буду читать.

Ясно представил, как вечером отец, уже в который раз, напоминает о том, что «из кожи лезет», старается всем обеспечить сына, сделать из него человека...

Грустно. Предательская слезинка готова рассказать всему классу о переживаниях парнишки.

...Мальчик сдерживает нахлывшие чувства, но поздно: ребята уже заметили его слезы, на перемене начнут язвить по его адресу.

Леня сразу преображается. Перед учащимися уже не мальчик, который не выучил урок. Это Чарли Чаплин. Маленький, грустный, озабоченный.

Класс хохочет. Смеется и учительница. Но, спохватившись, смурится, выводит в журнале двойку.

— Твое место на арене, а потому освободи класс, товарищ клоун!

Клоун, насмешник, озорник. Почти каждый день Леониду приходилось слышать эти слова. Обзывали дома, в классе, на детской спортивной площадке. Слова оскорбляли мальчику, он старался напустить на себя «слизистость», сидел на уроках нарочито серьезно, отвечал медлительно, обдумывая фразы. Но это продолжалось всего дня три, не больше. На большее у Леонида не хватало выдержки.

Дома все ценили хорошую шутку. Отец слыл большим балагуром, не оставался в долгу мать, брат. Но Леонид перещеголял всех. Подолгу смеялись в семье над его выходками, над тем, как имитировал он знакомых, соседей.

Однако никто не думал, что насмешливое «клоун» станет профессией мальчику. Не мечтал о ней и сам Леонид. Камни, минералы, неизведанные богатства — геология представлялась ему самой романтической, полной неожиданностей профессией. Изменять ей он не думал — решение было твердым. Оно и привело юношу в Московский геологоразведочный институт. Но вскоре он перешел в институт физкультуры: бокс полностью завладел всеми стремлениями Леонида. Теперь романтическими представлялись схватки на залитом электричеством ринге. Победы, поездки в различные города Союза, а может и за рубеж... Все казалось заманчивым.

Росло количество побед. Вскоре Леониду присвоили звание мастера спорта.

— Наконец-то Леня нашел призвание, — радовалась мать, хотя и не любила бокс.

— Кончит институт, одумается. И найдет работу посольства.

Однако им пришлось еще раз огорчиться: Леонид оставил институт. Вбежал как-то домой, радостный, возбужденный и огорошил всех:

— Перехожу в цирковье училище!

Отговаривать его не стоило: если принял решение, значит, продумал, взвесил все до мелочей.

Приняли сразу на второй курс отделения клоунады. В дом пришли новые книги, боксерская груша стала пылиться в чулане. Теперь каждый вечер он запирался в комнате, релетировал, занимался, как говорил матери, «обработкой мимики». Мать была первым зрителем и строгим критиком.

Леонид преуспевал. Отличные оценки были по истории, русскому языку, другим общеобразовательным предметам. Но не одни только оценки радовали учителей. Радовала в Енгибарове инициатива, изобретательность, умелое сочетание клоунады с различными цирковыми жанрами. Пантомимы Леонида были выразительны, заразительно смешны. Это не было копированием известных мимов, клоунов — во всем чувствовалась смешной сюжет и идея, целенаправленность.

«Будет хорошим коверным», — верили педагоги училища.

Но Леониду пришлось пройти нелегкий путь до коверного. Получив диплом, он стал работать в цирковой труппе. Поручали самое простое, несложное. Роль «подсобника» огорчала, прося задания самостоятельные. Обещали, да забывали. И может, долго еще пришлось бы сидеть в помощниках, не приведи случай.

ЧЕЛЯБИНСКИЙ цирк был полон до отказа. Зрители сидели и стояли даже в проходах. Обстоятельство это могло обрадовать любого администратора. Директор же ходил насупившись. Нет, даже не ходил, а бегал из комнаты в комнату. Первый номер подходил к концу, за ним должны выйти коверные. Но их все нет и нет. Позвонил в гостиницу. Вольный, простудился... Что делать? Чем заполнить паузы?

— Разрешите мне, — робко напомнил о себе Леонид. И, видя колебания, уже настойчивей добавил:

— Не подкачаю. Ну, честное слово!

Сказано было почти с детской искренностью. Но директора, конечно, убедило не это. Просто не было иного выхода.

И Леонид выдержал первый экзамен на коверного. Оценкой были тысячи аплодирующих рук.

Коллектив армянского цирка продолжал гастроли. География — самая разная: пришлось исколесить и север, и юг. Все чаще появлялся на манеже новый коверный, все разнообразнее становились номера. За плечами были уже выступления в десятках городов, съемки в телевизионном фильме, гастроли в Польской Республике. Но коверный не успокаивался, его не удовлетворял созданный им же образ. «Надуманный он, — горячо убеждал Леонид сторонников своего детища, — беспочвенный. Не видел я в жизни таких».

Неудачник — не новость в ампула клоунов. Были они в дореволюционном цирке, немало их во всяких зарубежных стационарах и шапито. Перенесли его на арену советского цирка и некоторые наши ковер-

ные. Заставили терпеть своих героев неудачи в разных ситуациях, обстоятельствах. Несогласие, свидание, неудачный трюк, фонтан слез — все было не ново, избито. Зрители смеялись и вскоре забывал коверного.

Своего героя Леонид искал долго, упорно. Бывали моменты, когда уже готов был крикнуть — «эврика!» Но постоянная неудовлетворенность, новые поиски приводили к иному решению. Много образов пришлось отбросить: одни встречались еще десятилетиями назад, вторые были наивны, иногда глупы, другие — неестественны.

Выбор пал на озорного юношу. Черный пиджак, брюки дудочкой, легкий грим, даже туфли — почти обыкновенные. Словом, самый обычный молодой человек. Он умен, ловок, хитер, немного грустен, есть у него и неудачи. Но именно через это, потому, как он умеет выходить «сухим из воды», и раскрываются его природный ум, ловкость.

Новый герой был принят тепло. Первое же представление принесло успех. А Леонид Енгибаров продолжал совершенствовать образ...

...Залитый огнями манеж, Взгляды зрителей прикованы к коверному. Ему трудно, злится, переживает. И вдруг тишина взрывается рукоплесканиями — маленький человек в черном нашел выход.

Испытание выдержано. Коверный покидает манеж, а вслед ему все еще несутся аплодисменты.

Р. АРУТЮНЯН.

17 APR 1963

КОМСОМОЛЕЦ
Г. Ереван